
ВОЙНА.
ВЫБОР.
ЛЮБОВЬ.
Следуя
ДОНЕСЕНИЯМ
БАГРОВОЕ ЗАРЕВО
VL
18+
ТРИЛОГИЯ

VL

Следуя донесениям.
Часть I. Багровое зарево

«Автор»
2026

VL

Следуя донесениям. Часть I. Багровое зарево / VL — «Автор», 2026

Октябрь 1943 года.Советская медсестра Лилия Берестова до последнего пытается вынести раненых с поля боя, но госпиталь захватывают немцы, а сама она оказывается в плену. Плен станет лишь началом истории, в которой переплетутся война, политические заговоры, опасные тайны и судьбы людей. Что страшнее — оказаться во власти врага или однажды понять, что ты больше не знаешь, кто твой враг?

© VL, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Капкан 6
Конец ознакомительного фрагмента. 15

VL
Следуя донесениям.
Часть I. Багровое зарево

Глава 1. Капкан

Холод каменного пола постепенно пробирался сквозь тонкую ткань брюк. Лиля Берестова подтянула колени к груди, обхватила их руками и прислонилась затылком к стене. Сколько они здесь просидели, она не знала. В помещении не было окон, а единственная лампа под потолком давала тусклый желтоватый свет, от которого лица казались мертвенно-бледными.

Рядом сидела Вера Морозова, старшая операционная медсестра. Она молчала, время от времени растирая замерзшие ладони и поглядывая на тяжелую дверь. За ней слышались шаги, обрывки немецкой речи, иногда приглушенный смех. Несколько раз кто-то останавливался у порога, звякал ключами, но дверь оставалась закрытой.

Их сумки с медикаментами отобрали сразу после пленения. Затем обыскали, забрали документы и привели сюда, велев ждать. Униформа, пропитанная потом, грязью и засохшей кровью, за время отступления превратилась в жалкие лохмотья. Лиля попыталась оттереть темное пятно на рукаве, но только размазала грязь по ткани. Она опустила руку и устало прикрыла глаза.

– Как думаешь, куда нас отправят? – негромко спросила Лиля.

Вера пожала плечами. Ответа у нее не было.

В замке неожиданно повернулся ключ. Обе подняли головы.

Вошедший немец окинул их равнодушным взглядом и коротко приказал подняться. Лиля ухватилась за стену, но затекшие ноги слушались плохо. Пришлось постоять несколько секунд, прежде чем она смогла сделать шаг. Вера поднялась следом, одернула измятую гимнастерку и первой направилась к двери.

Их провели по узкому коридору, пахнувшему сыростью, табаком. В конце находилась небольшая комната с письменным столом, двумя стульями и застекленным шкафом, на полках которого стояли медицинские склянки. Возле стола ожидал пожилой мужчина в белом халате. Он что-то спросил у сопровождавшего солдата, выслушал ответ и жестом подозвал Лилю.

Осмотр оказался коротким, но обстоятельным. Врач проверил глаза, горло, послушал дыхание, осмотрел руки и шею, задержав внимание на ссадинах и синяках. Заметив засохшую кровь возле виска, он раздвинул спутанные волосы и осторожно ощупал кожу. Лиля поморщилась.

Немец произнес несколько слов, которых она не разобрала, сделал запись и указал на соседний стул.

Веру осматривали дольше. Она сердито отвечала на вопросы, смысл которых понимала далеко не всегда, и раздраженно отдернула руку, когда врач попытался осмотреть запястье. Тот нахмурился, но спорить не стал. Закончив, он вымыл руки, вытер их полотенцем и обратился к солдату.

– Das wäre alles.

Два часа назад их окружили под канонаду. Солдаты отступали, мужественно прикрывая тыл, где спешно собирался госпиталь. Доктор Лебедев, оперируя последнего тяжелораненого, отпустил двух медсестер перетащить из дальней палатки, к которой подступали немцы, прооперированных бойцов. Они успели спасти двоих, а потом поблизости разорвался снаряд. Голая, измученная земля задрожала, надломилась, застонали и попадали деревья. Воспоминания нахлынули на Лилю:

Вокруг раздавался лязг и скрежет гусениц. Надвигались два танка, а за ними немецкие солдаты. Учащенное сердцебиение, дрожь в руках и сбитый ритм: взяла за руки, Вера за ноги и на носилки.

Ну же, еще немного! Дотащить бы, боже…

Показалась яма, и вскрикнула Вера, чудом не провалившись.

– Берестова! Тяни! Тяни же!

Она тащила, содрав пальцы в кровь; она тащила, превозмогая боль в спине; она тащила, не пригибая головы. Тащила даже тогда, когда последний отстреливающийся солдат упал замертво. Даже когда немецкая речь разнеслась недалеко, и в тумане замаячила вражеская каска. Она тащила, пока пуля не угодила в голову молодого лейтенанта, и кровь не брызнула ей на гимнастерку.

– Беги! – крикнула Морозова и рухнула лицом в землю от приклада в затылок.

Их снова вывели в коридор.

На этот раз путь оказался короче. За следующей дверью находилась умывальная с несколькими раковинами, железными кранами и большим зеркалом, потемневшим от времени. На деревянной скамье лежали тряпки, отдаленно напоминавшие полотенца, куски мыла и две стопки чистой одежды.

Солдат указал на раковины и, убедившись, что девушки поняли приказ, довольно кивнул в сторону мыла.

– Schnell! – указал второй оружием.

Берестова подняла голову и обвела взглядом помещение. Их захватила дивизия СС «Дас Райх». Вторая танковая дивизия СС. Они с Верой принимали участие в боях под Харьковом и прорывали рубеж Миус-фронта. По ним палила немецкая дивизия, они же вытаскивали из-под огня солдат. Они победили, прорвались, отбили позиции, сразу разбили госпиталь, и спустя время показались немцы. Они схватили, затолкали в машину и доставили на оккупированную территорию. Женщины знали – им не выжить, замучают. Они дрались, сопротивлялись, вырывались. Кончилось потерей сознания, а очнулись уже здесь.

Лиля подошла к ближайшему крану. Вода оказалась холодной, но после долгих часов в грязной одежде даже возможность умыться показалась неожиданным облегчением. Она несколько раз плеснула в лицо, смывая пыль, засохшую кровь и следы земли. Затем намылила руки, долго растирая почерневшие пальцы. Вода стекала в раковину мутными ручейками.

Вера молча умывалась рядом. На ее лице проступили усталость и глубокие тени под глазами. Когда она подняла голову, Лиля с трудом узнала в отражении ту самую женщину, которая всего несколько часов назад распоряжалась операционными сестрами и требовала от санитаров не мешкать с ранеными.

Одежда оказалась чужой, грубой, но чистой. Лиле достались серая рубаха, слишком широкая в плечах, и темная юбка, которую пришлось туго стянуть на талии. Вера переоделась быстрее и теперь стояла возле двери, прислушиваясь к голосам за стеной.

Лиля осторожно сложила свою гимнастерку. На рукаве темнело пятно крови, у самого ворота недоставало пуговицы. Она провела пальцами по вытертой ткани, но Вера негромко окликнула ее.

– Оставь. Все равно не позволят забрать.

Лиля не ответила. Положила гимнастерку поверх брюк, поправила ворот чистой рубахи и подошла к двери.

Немец, ожидавший в коридоре, внимательно оглядел девушек. Теперь, когда с их лиц была смыта грязь, следы пережитого проступили с пугающей отчетливостью. Под глазами залегли темные круги от бессонных ночей, проведенных возле операционных столов, щеки осунулись, губы потрескались от холода. У Лилии была рассечена нижняя губа, а на скуле Морозовой наливался фиолетовый кровоподтек. Обе выглядели измученными, и чистая одежда только подчеркивала их болезненную худобу.

Солдат коротко распорядился, и из соседнего помещения вышел второй немец. Лиля насторожилась, заметив, как они переглянулись. Один указал Вере в противоположный конец коридора, другой взял Лилию за локоть и потянул за собой.

Она не сразу поняла, что происходит.

– Подождите! – Лиля обернулась к Морозовой. – Вера!

Та остановилась, но сопровождавший ее немец нетерпеливо дернул за руку.

– Лиля!

– Нет! Мы вместе! – Лилия попыталась вырваться. – Пустите меня! Вера!

Солдат крепче сжал ее локоть и потащил к выходу. Она уперлась ногами в пол, ухватилась свободной рукой за дверной косяк, но немец с силой оторвал ее пальцы.

– Halt die Klappe! – рявкнул он.

Вера тоже сопротивлялась. Лиля видела, как та пыталась освободить запястье, как повернулась к ней через плечо и что-то крикнула. Слова заглушил грохот захлопнувшейся двери.

Они не были близкими подругами. За все время службы им редко удавалось поговорить о чем-либо, кроме раненых, операций и бесконечной нехватки медикаментов. Когда Лилия только попала на фронт, Морозова уже полгода ассистировала доктору Лебедеву. Именно ей он поручил обучать прибывших медсестер. Работоспособная, хладнокровная, требовательная к себе и другим, Вера пользовалась его безоговорочным доверием. Она умела сохранять спокойствие, когда под обстрелом рушились палатки, когда раненых приносили десятками, а руки от усталости переставали слушаться.

За прошедшие месяцы многое изменилось. Кто-то из девушек погиб, кого-то перевели в другие госпитали. Лилия и Вера остались. Совсем недавно Лилия получила звание лейтенанта и стала старшей медсестрой. Морозова поздравила ее сдержанно, без особенных нежностей, но в тот вечер впервые назвала равной себе.

И теперь их разлучали.

Лиля рванулась с такой силой, что солдат выругался и едва удержал ее. В дальнем конце коридора мелькнула серая рубаха Веры, послышались возмущенные крики, топот сапог, а затем все стихло.

– Вера! – закричала Лилия, чувствуя, как к горлу подступают слезы. – Вера!

Ответа не последовало.

Немец толкнул ее к другой двери. Лилия попятилась, вцепилась в его рукав и попыталась оттолкнуть. Она не знала, куда ее ведут, но слишком хорошо помнила, что оставалось после немцев в освобожденных деревнях. Тела женщин, найденные в погребах, сараях и на окраинах сожженных домов. Изуродованные лица, выколотые глаза, следы побоев и надругательств. Некоторые были совсем молодыми. Других находили рядом с детьми. Лилия видела их столько раз, что давно перестала считать, но привыкнуть не смогла. Даже Морозова, способная без дрожи ассистировать при самых тяжелых операциях, бледнела и отворачивалась.

Теперь Лилия думала о них с таким ужасом, что на мгновение перестала слышать немецкую речь.

Она вскрикнула и попыталась вырваться, но солдат схватил ее за волосы, заставив запрокинуть голову. Острая боль пронзила кожу. Лилия зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела занесенный кулак. Немец остановился в последний момент. Несколько секунд он смотрел на нее с откровенной злобой, тяжело дыша, затем разжал пальцы и что-то процедил сквозь зубы.

Лилия отшатнулась к стене.

Он указал на выход.

Она сделала шаг, другой, чувствуя, как за спиной движется конвоир. У двери остановилась. Немец нетерпеливо подтолкнул ее стволом оружия между лопаток.

Лиля обернулась.

– Куда вы меня ведете?

Вместо ответа последовал короткий приказ.

Она смотрела на него, пытаясь угадать намерения по лицу, но видела только раздражение. Он снова указал вперед.

Лилия не двинулась.

Страх сковывал все тело, однако вместе с ним поднималось упрямое, отчаянное сопротивление. Она не позволит над собой надругаться. Пусть лучше пристрелят здесь, у этой двери. Пусть изобьют, замучают, но добровольно она никуда не пойдет.

Немец, очевидно, потерял терпение. Он перехватил ее за запястья, резко завел руки за спину и поволок к выходу. Лилия упиралась, спотыкалась, пыталась вывернуться, но после нескольких бесплодных попыток почувствовала, как силы начинают оставлять ее.

На улице в лицо ударил холодный ветер.

Она успела заметить низкое серое небо, мокрую землю под ногами и часовых возле ворот. Немец тащил ее через двор, не обращая внимания на сопротивление. Увидев происходящее, один из патрульных направился навстречу и после короткого обмена словами подхватил Лилию с другой стороны.

Теперь ее вели двое.

Лиля снова закричала, но голос сорвался. Она пыталась упереться каблуками в землю, отчего солдаты вынуждены были то и дело останавливаться и перехватывать ее поудобнее. Со стороны казалось, будто они волокут преступницу, приговоренную к казни.

Проходившие мимо немцы оборачивались. Кто-то смеялся, кто-то отпускал замечания, которых она не понимала. Один солдат протянул руку, намереваясь схватить ее за подбородок, но конвоир раздраженно оттолкнул его и что-то объяснил. Тот усмехнулся и отступил.

Лилия почувствовала, как от унижения запылали щеки. Она ненавидела их всех: этих сытых, самодовольных мужчин, их смех, равнодушные взгляды, руки, бесцеремонно сжимавшие ее запястья. Ненавидела собственное бессилие и слезы, которые никак не удавалось сдержать.

Впереди показалось двухэтажное здание из красного кирпича. Окна первого этажа были занавешены, у входа стояли часовые. Над ступенями нависал небольшой козырек, под которым от ветра укрывались двое солдат с винтовками.

Лилию втащили на крыльцо. Один из часовых придержал дверь, пропуская конвоиров внутрь.

В нос ударил запах табачного дыма, сырой древесины и натертого пола.

Лиля быстро огляделась. Узкий коридор, голубые стены, дощатый пол, несколько закрытых дверей. Из-за одной доносились голоса, где-то работал радиоприемник. По всему было видно, что здание занимали военные. Посты у входа, вооруженные солдаты, постоянное движение в коридорах – вероятно, здесь разместился штаб или расположились старшие офицеры.

Но зачем привели ее?

На мгновение конвоиры остановились, чтобы удобнее перехватить девушку за руки. Лилия попыталась освободиться, однако один из немцев так сильно сжал ее запястье, что она вскрикнула.

Затем ее повели наверх.

Деревянная лестница жалобно скрипела под тяжелыми сапогами. Лиля подняла голову. Пролет изгибался вдоль стены, перила были гладкими, потемневшими от времени. Она смотрела на ступени и думала, скольких женщин уже провели здесь таким же образом. Скольких заносили наверх против воли? И удалось ли хоть одной спуститься обратно?

От этой мысли стало дурно.

На втором этаже находилось несколько комнат. У одной из дверей стояли четверо дежурных. При появлении конвоиров они выпрямились, а один, судя по всему старший, шагнул навстречу.

Немцы заговорили. Лилия различала отдельные слова, но общего смысла не понимала. Ее имя не прозвучало ни разу. Старший несколько раз посмотрел на девушку, затем перевел взгляд на сопровождавших и что-то переспросил.

Последовал короткий ответ. Один из дежурных усмехнулся. Лилия почувствовала, как холодеет все внутри. Конвоир дернул ее к себе и подтолкнул к ближайшей двери. Она уперлась, пытаясь заглянуть в лицо немцу.

– Что вам от меня нужно?

Он даже не взглянул на нее.

– Rein!

Дверь распахнулась.

Лилию с силой толкнули внутрь. Она споткнулась о порог, чудом удержалась на ногах и резко обернулась. За спиной уже закрывалась дверь.

Щелкнул замок. Лиля застыла, тяжело дыша, затем медленно повернула голову и нервно огляделась, стараясь понять, куда попала. Кабинет оказался просторным и светлым. Высокие окна выходили во двор, сквозь стекла проникал тусклый дневной свет. На массивном письменном столе царил безукоризненный порядок: бумаги лежали ровными стопками, рядом находились кожаная папка, несколько журналов. Вдоль стен тянулись книжные шкафы, оставшиеся, по всей видимости, от прежних хозяев. За стеклянными дверцами теснились потемневшие от

времени переплеты. У окна стояли два кресла, между которыми помещался небольшой столик, а на полу лежал большой ковер с затейливым восточным узором.

Лилия остановилась посреди комнаты, не решаясь пройти дальше. Она старалась дышать тихо, но сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в висках. Ноги дрожали от усталости и страха. Девушка опустила глаза, рассматривая переплетение узоров на ковре, и прислушалась к голосам за дверью.

Неожиданно разговор оборвался.

Спустя несколько секунд раздался другой голос – низкий, властный, с резкими металлическими нотками. Мужчина отдавал распоряжения, не повышая тона, однако ему никто не возражал. Послышался торопливый ответ, затем стук каблуков.

Лиля похолодела.

Значит, это он. Тот, для кого ее привели сюда.

Дверная ручка опустилась. Щелкнул замок, и дверь с глухим стуком закрылась.

Лиля вздрогнула, невольно втянув голову в плечи. В глазах защипало. Она крепко сжала губы, стараясь не расплакаться. Все кончено. Теперь никто не придет ей на помощь.

Мужчина прошел несколько шагов, но внезапно остановился. Лилия почувствовала на себе взгляд и, не поднимая головы, еще сильнее стиснула пальцы. До нее донеслось короткое немецкое ругательство.

Она осторожно посмотрела из-под ресниц. Перед ней стоял высокий мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с правильными, несколько суровыми чертами лица. Черные волосы были аккуратно зачесаны назад, на висках серебрилась седина. На нем была тщательно подогнанная форма цвета фельдграу. Белая выпушка на погонах, три дубовых листа на петлицах, знаки различия, значения которых Лилия не знала, но по которым без труда догадалась о высоком положении незнакомца.

Никогда прежде ей не доводилось видеть так близко офицера подобного ранга.

Она попятилась и с шумом наткнулась на кресло. Немец нахмурился. Его темные, почти черные глаза скользнули по девушке, задержались на рассеченной губе, осунувшемся лице, слишком широкой одежде. Губы недовольно сжались. Он перевел взгляд на дверь, словно собирался немедленно потребовать объяснений, но почему-то передумал.

Лиля смотрела на него с растущим недоумением. Внешностью незнакомец совершенно не соответствовал тому образу светловолосого, голубоглазого арийца, который так усердно превозносила немецкая пропаганда. Темные волосы, смугловатая кожа, тяжелый взгляд. В его облике было что-то чуждое привычным представлениям о немецком офицере.

Он произнес несколько слов. Лиля не поняла ни одного. Как некстати отец настоял на изучении английского! Сейчас она отдала бы многое, чтобы понимать хотя бы простейшие немецкие команды.

Мужчина приблизился.

Она инстинктивно скрестила руки на груди, хотя ворот рубахи доходил до самого горла. Отступать было некуда: позади стояло кресло.

Незнакомец остановился в шаге от нее и слегка склонил голову, внимательно рассматривая девушку. Лилия не выдержала и отвела взгляд. Ей казалось, что он замечает каждую подробность: болезненную худобу, растрепанные волосы, дрожащие пальцы, искусанные от волнения губы.

Он протянул руку к ее лицу. Лиля резко отшатнулась. Немец прищурился и снова потянулся к ней. На этот раз она отмахнулась, не успев даже осознать собственного поступка. Ее запястье оказалось перехвачено прежде, чем ладонь достигла цели. Пальцы сомкнулись с такой силой, что Лилия едва не вскрикнула. Она подняла голову и встретилась с его глазами. В них не осталось ни тени прежнего равнодушия.

Несколько мучительно долгих секунд они смотрели друг на друга. Лилия чувствовала, как колотится сердце, как от страха подкашиваются колени, но заставила себя не отводить глаз. Она прекрасно понимала, что сделала, и ждала удара. Однако немец только приподнял черную бровь, разжал пальцы.

Лиля поспешно спрятала руки за спину, растирая больное запястье. Ладони вспотели, дыхание сбилось. Она не знала, чего ожидать от этого человека, и его неожиданная сдержанность пугала не меньше вспышки гнева.

Он заговорил по-немецки. Лилия молчала. Незнакомец повторил вопрос, затем, не получив ответа, произнес несколько фраз по-французски. Девушка растерянно моргнула. Тогда он перешел на английский. Берестова невольно подняла голову. Он говорил свободно, без пауз, с такой легкостью, словно пользовался этим языком каждый день.

– Понимаешь, – произнес мужчина, заметив перемену в ее лице. – Вижу.

Она промолчала.

– Ты не похожа на тех, кого обычно приводят из деревень.

Он снова приблизился и, взяв ее за подбородок, заставил поднять лицо. Лилия напряглась. От кожаных перчаток пахло выделанной кожей и табаком.

Мужчина внимательно осмотрел рассеченную губу, ссадину на щеке, затем отпустил ее.

– Ты не солдат. Иначе тебя бы здесь не было. – Он сделал небольшую паузу. – Медсестра?

Лилия вскинула на него голубые глаза, полные неприязни. Незнакомец заметил ее реакцию и отступил.

– Медсестра, – повторил он уже утвердительно. – Это меняет дело. Нам нужны медицинские работники. В последнем бою мы потеряли нескольких.

Лиля почувствовала, как к лицу приливает кровь. Сколько советских солдат погибло за последние сутки? Сколько раненых осталось в госпитале? Она хотела выкрикнуть ему все это, но мужчина, заметив ее намерение, предупреждающе покачал головой.

– Имя?

Лилия сжала губы.

– Я задал вопрос.

Она упрямо молчала. Немец некоторое время рассматривал ее, затем неторопливо снял перчатку.

– Предпочитаешь, чтобы вместо имени тебе присвоили номер?

Девушка побледнела.

– Лиля, – поспешно ответила она.

– Лилия, – произнес он, словно пробуя непривычное имя на слух.

После короткой паузы мужчина слегка склонил голову.

– Франц Клеменс фон Райхенбах.

В его движении сквозила почти насмешливая учтивость. Не дожидаясь ответа, он обошел девушку и направился к двери, ведущей в соседнюю комнату. На пороге остановился, бросил через плечо короткий взгляд и скрылся внутри, оставив дверь открытой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.